

О. С. Ерченко, г. Тюмень

**«ПРОВИДЧЕСКАЯ» РОЛЬ ПОЭЗИИ
БОРИСА ПАСТЕРНАКА
В КНИГЕ ЭЛИЗАБЕТ ДЖЕННИНГС
«SEVEN MEN OF VISION»**

Англоязычная аудитория, в том числе писатели и критики, с неослабевающим интересом изучает русскую поэзию. Цель данной статьи — изучить роль поэзии Бориса Пастернака в книге Элизабет Дженнингс «Seven men of vision», а также дать общее представление о понятии «поэт-провидец», поднимающееся в ней. Актуальность и научная новизна работы заключаются в том, что указанная тема ранее не поднималась в отечественном литературоведении. Также стоит отметить, что данная тема будет интересна для дальнейшего изучения религиозной поэзии, а также для практического применения в ходе семинаров.

Неслучайно в состав объектов исследования Дженнингс включила именно Бориса Пастернака. Она поясняет, что причина такого выбора не только в том, что он великий писатель, но в первую очередь из-за «провидческой» роли его поэзии: **«I choose Pasternak as a writer in this sort of predicament not simply because he is a great writer but because he is a visionary one, and since his vision is most evident in his poems, it is those which I intend to examine»** [1: 224]. По данному принципу были выбраны и остальные герои данной книги: Антуан де Сент-Экзюпери, У. Б. Йетс, Д. Г. Лоренс, Д. Джонс, Сент-Джон Перс, Лоренс Даррелл. Такое «соседство» кажется, на первый взгляд, случайным, но в предисловии к книге Дженнингс просит не удивляться такому своеобразному выбору героев, ведь его причина очень проста: «The reason for my choice of them is simply this — they seem to cast a great illumination over this troubled century; they have joy, a joy they have only attained through their own suffering and their own kind of surrenders» [1: 9].

Для западного мира Борис Пастернак является известной, хотя и неоднозначной фигурой. Он не хотел славы, не хотел быть в центре политики, но, по горькой иронии, теперь его образ и его литературное творчество тесно с ней связаны. Об этом упоминает и Цветаева в своей статье «Эпос и лирика в современной России: Владимир Маяковский и Борис Пастернак»: «До 1920 года Пастернака знали те немногие, что видят, как кровь течет, и слышат, как трава растет... Пастернак не хотел славы. Может быть, боялся глаза: повсеместного, непричастного, беспредметного глаза славы» [5]. Мы это увидим и в английском литературоведении, обратившись к последней главе книги «Seven men of vision», названной Дженнингс «A Vision from Behind Barriers», где она и знакомит читателя с творчеством Пастернака.

Характерные особенности его поэзии заключаются, по ее мнению, в особом взгляде на мир, который она в данном случае и называет «A Vision from Behind Barriers». Этим она указывает, в первую очередь, на политическую ситуацию обособленности поэта, внутри страны и по отношению к миру в целом. Вторых, так Дженнингс подчеркивает его статус «пророка», который смотрит в будущее, видит больше других и не боится говорить об этом, имея необходимые для этого внутреннюю силу и любовь к миру.

Не зря название статьи намекает нам на ранний сборник стихотворений Пастернака «Поверх барьеров» (1917), ведь это первый сборник, где мы слышим именно Пастернака, как сказано в его биографии, написанной Дмитрием Быковым: «...«Поверх барьеров» — книга преодоленного кризиса, первый сборник, в котором Пастернак не побоялся быть вполне собой» [2]. Дженнингс и далее обнаруживает глубокое знание и понимание его творчества; искренность стихотворений Пастернака трогает ее тем больше, чем она сочувствует ему и восхищается его стойкостью.

Также название статьи дает нам практически прямую отсылку к политической ситуации, сковывающей поэтический талант многих писателей нашей страны в данное время. Как уже было сказано, образ Пастернака и его творчество в сознании зарубежного читателя непосредственно связаны с политикой, Дженнингс также уделяет данному аспекту много внимания, называя поэта: «...the man who is behind the Iron Curtain...» [1: 226], постоянно подчеркивая крайне тяжелые условия, в которых приходилось работать Пастернаку. Если он сам приближен к образу христианского пророка, то СССР того времени и его реалии — это «prison», «tenets of Soviet Russia», «evil», «great stress».

Воин Христа, светлый и несломленный, — именно таким она видит Пастернака. Эта точка зрения во многом схожа с той, которую высказывает Варлам Шаламов в своей статье «Несколько замечаний к воспоминаниям Эренбурга о Пастернаке» (1990): «Пастернак был не юродивый и не ребенок. Это был боец,

который вел свою войну и выиграл ее. Он стал для нас живым примером — какой огромной нравственной силой может стать в наше время поэт, если он не кривит душой, если он почитает собственную совесть главным своим судьей — а Пастернак много и неустанно говорил об этических началах искусства» [6].

Эту **растущую изнутри нравственную силу, далекую от агрессии и жестокости, отмечает и Дженнингс**: «Firstly, their work is full of words about love and the beauty of the natural world and, secondly, there is never any self-pity. In utter darkness, these brave people manage to see a chink of light. But Pasternak sees more than that; he created a radiant world, often employing Christian subjects» [1: 224].

Рассматривая **как его ранние работы, так и поздние, в том числе и роман «Доктор Живаго», Дженнингс** отмечает способность Пастернака, без малейшего намека на кощунство или эгоизм, мыслить от лица Христа: «It is timely now to return to the *Dr Zhivago* poems and, in particular, to a poem called *Evil Days* where, without the faintest hint of blasphemy, Pasternak identifies himself with Christ himself:

And Jesus remembered in the desert,
The days in the wilderness spent,
The tempting with power by Satan,
That lofty, majestic descent»
[1: 232].

Это просто единственный способ выразить свое видение мира, свою открытость Богу. Здесь **главную роль играет его величайшее воображение, которое может увести далеко во времена главных событий христианской эпохи**: «Pasternak is not simply versifying the Gospel account of this; he is living through it with his imagination, an imagination that can render one man's vision of the most important events in Christianity. And they are rendered with passion as well as the acceptance learnt from Christ himself» [1: 239].

Даже любовь в произведениях Пастернака приобретает «провидческое», всеобщее значение и смысл. Это не просто любовь к женщине, это любовь к миру, к людям, и, в конечном итоге, к Богу: «The vision in Pasternak's love poems moves far deeper than the love of a single person. It fills him with love and compassion for all things... There is no dichotomy in Pasternak's vision and love. He is drawn to give to a woman in the same way as he offers himself to God» [1: 241].

Вот как Дженнингс описывает «поэта-провидца», воплощенного в образе Пастернака: «The poet-visionary owes a duty to his poetry; he has been given a gift which he must not abuse or allow to tarnish. He has not only the desire but the responsibility to communicate what he knows. As a visionary, Pasternak has seen, felt and suffered so much, but he knows that the small details of life deftly stated can open up a whole vision for others» [1: 244]. Похожим образом видит его и Цветаева: «Пастернак — сновидец и прозорливец» [5]. Если обобщить все вышесказанное, то поэт-провидец — это тот, в чьем сердце живет Бог, и который обладает таким талантом, что может вести к нему других. Таким образом, «провидческая» роль поэзии Пастернака — это, главным образом, миссия передачи «божественного» слова людям.

Именно сочетание двух важных факторов: глубокой религиозности поэзии и тяжелых, в некотором роде, «мученических» условий жизни, с одной стороны, и критичности мышления, отсутствие жалости к себе, с другой стороны, наделяют поэзию Бориса Пастернака «провидческой» силой. Как сказала сама Элизабет Дженнингс: «Out of his darkness he saw and communicated a very great light indeed» [1: 246].

Литература

1. Jennings, Elizabeth. *Seven men of vision*. — New York, Barnes&Noble Books, 1976.
2. Быков Д. Л. Борис Пастернак. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 892 с. — (ЖЗЛ). Режим доступа: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/bykov-pasternak-zhzh/glava-viii-centrifuga-poverh-barerov-ural.htm>, свободный. — Загл. с экрана.
3. Пастернак Б. Л. *Доктор Живаго*. — М.: Советский писатель, 1989.
4. Пастернак Б. *Собрание сочинений в пяти томах*. М.: Художественная литература, 1989.
5. Цветаева М. Эпос и лирика в современной России: Владимир Маяковский и Борис Пастернак // *Сочинения в 2-х т.* — М., 1990. Режим доступа: http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_epos_i_lirika_sovremenoj_rossii, свободный. — Загл. с экрана.
6. Шаламов В., «Несколько замечаний к воспоминаниям Эренбурга о Пастернаке». Режим доступа: <http://shalamov.ru/library/21/66.html>, свободный. — Загл. с экрана.
7. Яacobсон Р. О. *Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике*. — М., 1987.